

Услышав приказ Сяо Чэнъиня призвать государственного наставника для изгнания нечисти, толпа, окружившая их, по молчаливому согласию отступила на добрый десяток шагов, освобождая пространство.

Лишь императрица оставалась на месте, продолжая бережно вытирать лицо Ханьчжу.

Сяо Чэнъинь бросил холодный взгляд на спину супруги, слегка прищурился и произнес:

— Императрица, позволь государственному наставнику изгнать демона.

Императрица не шелохнулась и не ответила, лишь продолжала монотонно повторять свои действия.

Взгляд Сяо Чэнъиня потемнел, он снова позвал:

— Императрица.

Она замерла, опустив руку с платком.

— Неужели Ваше Величество одурманена этим демоном? — раздался чей-то голос из толпы.

— Не смей обсуждать императрицу, — отрезал Сяо Чэнъинь.

Говоривший тут же прикусил язык, остальные понурили головы, стараясь больше не смотреть на императрицу и Ханьчжу.

— Прошу прощения, государь, но Ханьчжу спасла жизнь мне и служанкам из дворца Фэнъи, — императрица медленно обернулась, стараясь сдержать подступающие слезы. — Я лишь хочу, чтобы она ушла достойно.

Сяо Чэнъинь нахмурился, прошел мимо супруги, бросив короткое: — Иди за мной, — и скрылся в главном зале.

Когда императорская чета ушла, люди переглянулись, но никто не осмелился произнести ни слова.

Лишь государственный наставник сделал несколько шагов вперед, сосредоточил энергию и сложил пальцы в печати.

Там, где проходили его руки, возникали призрачные следы, слабый свет сплетался в тотемы, превращаясь в парящий в воздухе талисман, который с силой обрушился на Ханьчжу.

Та глухо застонала, а затем, словно охваченная нестерпимой мукой, покрылась испариной. Ее тело неестественно выгнулось, она рухнула на землю, забившись в агонии.

Наставник изменил жест, и талисман на теле Ханьчжу вспыхнул, рассыпаясь искрами, которые дождем осыпали ее конечности и живот.

В тот же миг синее пламя охватило ее целиком.

Она широко открыла рот в беззвучном крике, катаясь по земле, пока ее движения не начали слабеть.

Наложницы, еще недавно с интересом наблюдавшие за зрелищем, поспешно отвернулись.

Шэнь Чжаожун презрительно окинула их взглядом и фыркнула:

— Лицемерки.

Юнь Чу, не отрываясь, следила за молодым, едва перешагнувшим двадцатилетний рубеж наставником. Видя его мастерство, она удивилась:

— Он так молод, но владеет столь глубоким искусством. Необычный человек.

Вэй Цзиньшу, внимательно изучив тон Юнь Чу, с бесстрастным лицом посмотрела на мужчину:

— Он молод, но сумел заслужить доверие государя и стал первым государственным наставником за три правления. Неудивительно, что он одарен.

Синее пламя постепенно угасало. Очертания человеческого тела сжались до размеров двух ладоней, и вскоре все стихло. Крик Ханьчжу оборвался.

Люди подошли ближе и увидели на земле лишь обгоревшую речную жемчужницу. Створки были распахнуты, а плоть внутри обуглилась.

Наставник убрал магический барьер и отряхнул рукава:

— Демон мертв, можете успокоиться.

Услышав это, наложницы вздохнули с облегчением.

Юнь Чу, вздохнув, тихо произнесла:

— Цзиньшу, ты не могла бы принести мне эту раковину?

Вэй Цзиньшу повернулась в сторону Юнь Чу. Она не видела ее, лишь обгоревший ствол османтуса, который расщепило молнией у стены. Понимая, чего хочет Юнь Чу, Вэй Цзиньшу хотела было возразить, но проглотила слова и, пройдя сквозь толпу, подняла раковину.

— Госпожа Вэй, что вы делаете? — Чжао-гуйжэнь преградила ей путь. — Зачем вам труп этого демона?

— Похороню, — ответила Вэй Цзиньшу.

Чжао-гуйжэнь насмешливо улыбнулась:

— Похоронишь? Жалеешь чудовище? Может, ты заодно с ним?

— Ты дура или слепая? — Шэнь Чжаожун, давно терпевшая выходки Чжао-гуйжэнь, оттолкнула ее рукой. — Все уже в уголь превратилось, а ты не унимаешься! Ханьчжу спасла столько людей, а у тебя голова только для того, чтобы шапку носить, а уши — чтобы ветер ловить?

— Я... — Чжао-гуйжэнь задохнулась от возмущения.

Шэнь Чжаожун прикрыла собой Вэй Цзиньшу и продолжила отчитывать наложницу:

— Если у тебя такой язык без костей, шла бы в музыкальную палату выступать, глядишь, и семью бы свою разбогатела!

Чжао-гуйжэнь хотела ответить, но не нашла что сказать и, боясь открытого конфликта с Шэнь Чжаожун, топнула ногой и отступила в толпу.

Под защитой Шэнь Чжаожун никто больше не посмел препятствовать Вэй Цзиньшу, и та унесла раковину.

Как только она ушла, двери главного зала открылись, и вышли Сяо Чэнъинь с императрицей.

Наставник доложил об успешном изгнании нечисти. Сяо Чэнъинь окинул всех взглядом и сухо произнес:

— На сегодня хватит. Больше об этом не вспоминать. Все свободны.

— Слушаемся.

Толпа начала расходиться. Вэй Цзиньшу с раковиной вернулась к Юнь Чу, и они вместе ушли во дворец.

Вернувшись в Хуаян, они, как обычно, отослали прислугу. Вэй Цзиньшу заперла дверь и, убедившись, что никого нет, села рядом с Юнь Чу.

— Юнь Чу.

Юнь Чу взяла у нее раковину:

— М?

— Ты только что оправилась, тебе нельзя.

Юнь Чу не придавала этому значения:

— Ничего, потом пару дней посплю — и пройдет.

Она применила магию, пытаясь восстановить обугленную плоть жемчужницы, но как бы ни старалась, ничего не происходило.

Вэй Цзиньшу обеспокоенно спросила:

— Что случилось?

— Моя сила... снова исчезла, — разочарованно вздохнула Юнь Чу.

Вэй Цзиньшу, словно почувствовав облегчение, потянулась забрать раковину:

— Видимо, такова судьба Ханьчжу. Оставь ее.

Юнь Чу отвела руку:

— Она спасла столько жизней, не должна была так умереть. К тому же, демонам и так нелегко развиваться.

— Никто не хотел, чтобы она выжила, — Вэй Цзиньшу коснулась ее руки, глядя глубоко в глаза. — Ты же слышала, что они говорили.

Юнь Чу покачала головой и, прежде чем Вэй Цзиньшу успела среагировать, полоснула ножом для фруктов по ладони.

Кровь закапала на обугленную плоть, растекаясь по складкам. Алая капля на черном фоне больно резанула по глазам Вэй Цзиньшу.

Она схватила Юнь Чу за запястье:

— Юнь Чу, довольно.

Демоны, в отличие от птиц, обладают природным духовным корнем и, практикуясь годами, не боятся переизбытка энергии, а напротив, поглощают ее для восстановления.

Юнь Чу смотрела, как под воздействием крови плоть начинает оживать. Решив, что этого достаточно, она вытерла ладонь.

— Ханьчжу ранена мистическим огнем, ее корень поврежден. Только божественная сила поможет ей восстановиться и обрести шанс снова принять человеческий облик.

Вэй Цзиньшу нахмурилась:

— А что будет с тобой?

Юнь Чу легкомысленно улыбнулась:

— Эта кровь — всего лишь пара десятков лет трудов. Постараюсь — и восполню. Положи пока Ханьчжу в бассейн, через пару месяцев найдем водоем и отпустим.

Вэй Цзиньшу взяла из рук Юнь Чу медленно закрывающуюся раковину. На душе у нее было беспокойно. В ее глазах небесные жители всегда были лицемерами, а прежний Небесный император — лишь прикрывался моралью, будучи насквозь фальшивым. Она думала, что Юнь Чу такая же — внешне добрая, а внутри холодная.

Но после всего случившегося она поняла, что ошиблась. По крайней мере, Юнь Чу — настоящая дурочка.

— Юнь Чу.

— М?

— Я вижу в тебе четыре слова.

Юнь Чу, немного отдохнув и вернув силы, с любопытством спросила:

— Какие?

— Бог любит людей.

Юнь Чу рассмеялась:

— С чего ты взяла?

— Ты небожительница, но никогда не смотришь на смертных свысока. Сначала спасла меня и Шэнь Чжаожун, потом ту птицу в лесу, теперь вот Ханьчжу. Ты готова вредить себе ради других, — Вэй Цзиньшу смотрела ей прямо в глаза, словно пытаясь заглянуть в самую душу. — Сострадание ко всему живому — это и есть божественность. Но что для тебя Небесный Путь?

— Люди, боги, демоны для меня равны. Это лишь мирской порядок разделил их на ранги, — Юнь Чу удивилась вопросу, но ответила спокойно. — Нужно различать добро и зло, но не пренебрегать жизнью. Относиться ко всему сущему как к равному, не проявляя пристрастия — вот истинный Небесный Путь.

<http://bllate.org/book/18883/1844221>